

Наталия Новаш

НАСЛЕДНИКИ

(научно-фантастический рассказ)

Писательница Наталия Новаш из Минска — давний и верный друг нашего журнала. Один из ее рассказов уже печатался в «Летописи интеллектуального зодчества», другой — вошел в сборник «5-я стена».

Новый рассказ Наталии Новаш необычен — в нем нет сюжета, нет развития, но при этом перед читателем проходит целая картина заката мира людей. В этом смысле «Наследники» перекликаются с самым известным произведением об «Умном доме» - рассказом Рэя Бредбери «Будет ласковый дождь» из цикла «Марсианские хроники».

И здесь, и там — апокалиптическая картина. И здесь, и там человечество вымирает. И здесь, и там смертельную болезнь не остановить. Но если у классика американской фантастики картина совсем уж беспросветна, но Наталия Новаш находит пусть и небольшой, но все же повод для оптимизма. В ее рассказе человечество не просто покидает свою родную планету — оно оставляет после себя наследников. Отсюда и название рассказа. Кому же суждено перенять эстафету людей? Тем, кто им ближе всего! Перед тем, как уйти, люди наделяют разумом самое дорогое, что у них есть — дома и кошек.

Дома и кошки — вот что, по мнению, Наталии Новаш дороже всего человеку. Вот что ближе всего ему. В этом кроется формула уюта. Умные дома и разумные кошки — вот, что оставляет после себя погибающее человечество. В такой экстремальной, если так можно выразиться, форме писательница дает понять, чем же стоит человеку больше всего дорожить. Домом и кошкой...

ЧТО БЛИЖЕ ВСЕГО ЧЕЛОВЕКУ

Андрей Щербак-Жуков

писатель, журналист, искусствовед

— Матильда! Слезай оттуда!
 — И не подумаю! Уходи, Дэн! Слышишь?
 Дэн поднял свою крупную голову и стал разглядывать густое переплетение веток в кроне старой высокой ивы, откуда раздался новый истошный вопль.
 — Перестань изображать из себя глупую кошку, Матильда. Тебя ждет хозяйка...
 — Скажи ей, я... охотилась в лесу и заблудилась. И ты меня еще не нашел.
 — Тебя прекрасно видит Хаз! — Дэн кивнул в сторону дома.

— Что? — На нижнюю ветку дерева метнулся откуда-то сверху изящный кошачий силуэт. Матильда грациозно согнулась и тоже посмотрела на дом, который отсюда был прекрасно виден — желтая

прижалась к стволу, чтобы не заметили из дома.

— А теперь? Видно?
 Дэн с сожалением взглянул на Матильду. Это был роскошный голубой британец — желтоглазый красавец с густой шерстью, толстыми лапами и крупной головой. Он осуждающе смотрел на Матильду — гибкую бело-рыжую сиамскую кошку с голубыми глазами. Дэн прожил на свете двенадцать лет и приобрел мудрость. Матильда еще зимой была котенком.

Конечно, это были не прежние коты. Это были гибриды, почти родственники людей. Люди, придя в «Золотой век», достигли мно-

гого и подарили своим любимцам множество собственных генетических особенностей — ответственность за память и интеллект.

Люди передали им свой разум.

Но они не хотели и не могли изменить голосовые

— Не снимет. Я специально выбрала дальнюю часть сада. Видишь, как густо тут растут деревья?

«Да, — подумал Дэн. — Дальняя часть сада на вершине холма не изменилась. Здесь росли только лиственные деревья. Все ели, которые срубили в прошлом году, были высажены у дома».

— Пока он будет залезать на одно дерево, я перепрыгну на другое. И так — до леса. А за оградой он и подавно не сможет меня схватить.

— Но чего ты этим добьешься?

— Как чего? Разве ты не понимаешь?

— Нет.

— Я не вернусь, и хозяйка не умрет. Я сама слышала, как Сью сказала: «Не умру, пока не прощусь с Матильдой»...

Дэн вздохнул. Он умел вздыхать, совсем как люди. Это всегда удивляло и умиляло его хозяев. А теперь их нет. Людей больше нет на Земле. Осталась только одна Сью. Последняя на планете. Но и этой двенадцатилетней девочке суждено умереть не сегодня-завтра. Она может просто умереть каждую минуту. И после нее на всем земном шаре останутся только два младенца в Австралии, которые тоже погибнут через считанные дни.

— Она умрет, Мэт. Умрет. Только проведет последние часы в тревоге. Не положит свою руку тебе на спину. Не погладит. Будет волноваться за тебя. Вдруг в лесу тебя разорвет рысь или схватит ястреб?

Матильда издала душераздирающий вопль: — Не ври! Я сама слышала...

— Что ты слышала? Что может знать двенадцатилетний ребенок, которого все обманывают? У нее смертельная болезнь.

— А что можете знать вы с Хазом? Может быть, вы все как раз и выдумали — и про ястреба и про смертельную болезнь! Хотите, чтобы я сидела со Сьюзен и не ходила в лес, вот и врите, что она смертельно больна, а меня разорвет какой-то ястреб.

Дэн опустил голову и обреченно вздохнул: — Неужели ты такая глупая, Матильда, и не видишь, что происходит? За год умерли хозяева — Том, маленький брат Сьюзи, ее родители, бабушки, дедушки и все соседи вокруг.

— Их положили в холодильник...

— Да. Раньше бы их похоронили. А теперь дома замораживают своих хозяев...

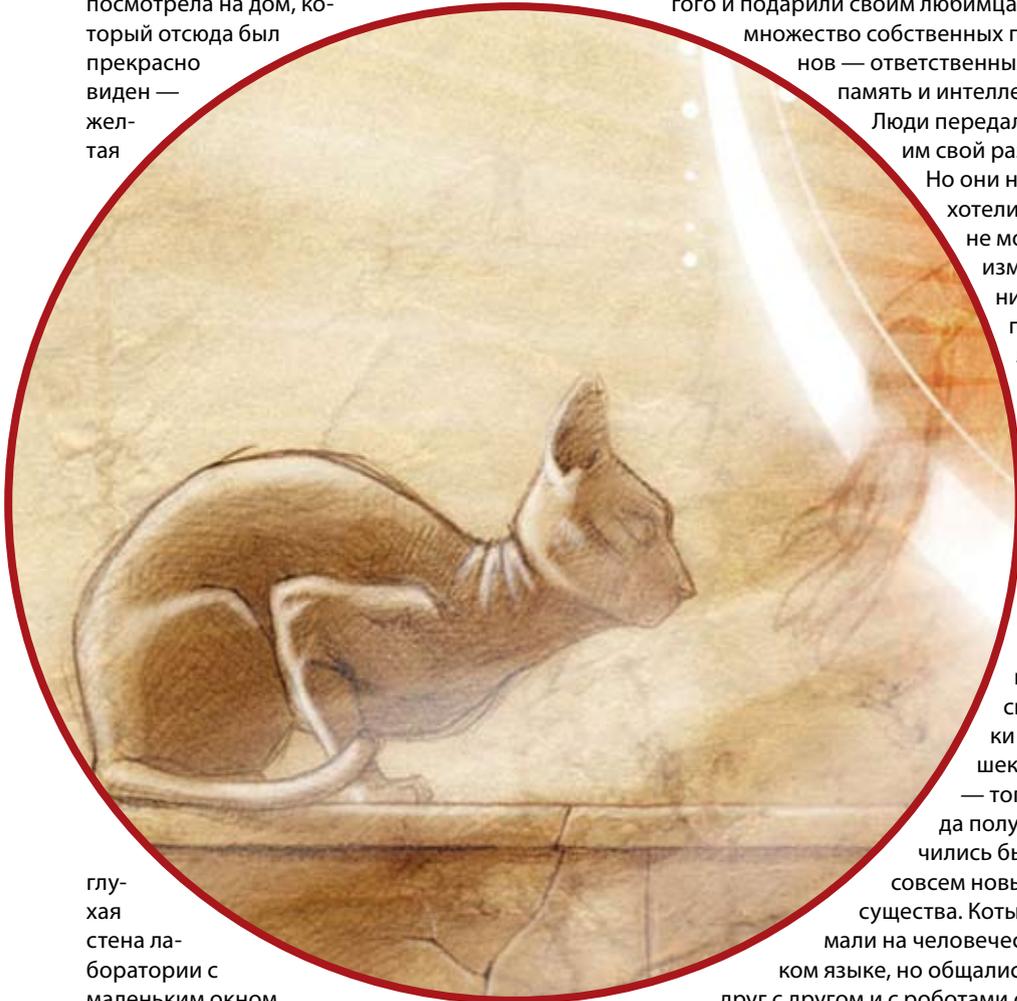
— И когда-нибудь...

— Никогда, Матильда! Никогда их не ожидают, не надеются. Наука это доказала. Можно оживить червяка, но не личность.

— Хаз что-нибудь придумает!

— Ничего! Умерли все люди на земле! Нет больше программы новостей. Не работает телевизор. Телефон не звонит. Никому это теперь не нужно. Неужели ты не понимаешь? Апоптоз!

— Перестань ругаться!

глухая стена лаборатории с маленьким окном, обсерватория на крыше.

Раньше окно заслоняла бамбуковая роща, но теперь, когда бамбук погиб, сухие желтые палки представляли собой лишь редкий частокол, сквозь который все просматривалось насквозь.

Матильда принялась метаться и скакать с ветки на ветку, извергая жуткие вопли.

— Да? Он меня прекрасно видит? Вот и хорошо. Скажи ему, Дэн, что я забралась на дерево и не могу слезть! Ну, ты знаешь, как это бывает? Реву, мяукаю, не нахожу себе места от страха...

Наконец, она сама засомневалась в правдивости выбранной тактики и понуро

множество собственных генетических особенностей — ответственность за память и интеллект.

Люди передали им свой разум.

Но они не хотели и не могли изменить голосовые

связки кошек — тогда получились бы совсем новые существа. Коты думали на человеческом языке, но общались друг с другом и с роботами с помощью азбуки Морзе, выдаваемой в

истинно кошачьем, оперном варианте — в виде серенад. Когда роботы отвечали им подобными же руладами, со стороны это выглядело смешно.

С людьми они общались через компьютер — выстукивали слова на удобной клавиатуре с большими круглыми кнопками или с помощью мышки, лихо отбивая морзянку, а на экране в обоих случаях появлялся печатный текст.

Дэн осуждающе покачал головой.

— Я не понимаю тебя, Матильда. Кончится тем, что Хаз пришлет Стива. Робот залезет на дерево и снимет тебя оттуда.

Дэн осуждающе покачал головой.

— Я не понимаю тебя, Матильда. Кончится тем, что Хаз пришлет Стива. Робот залезет на дерево и снимет тебя оттуда.

Дэн посмотрел на Матильду с удивлением. Его удивляла ее глупость. Ему казалось, что он сам — всегда, с самого рождения знал об окружающем мире все. Впитал это с молоком матери. Потом, конечно, стал понимать, что его учили — и Хаза, и люди. Но он схватывал новое на лету. Матильде все надо было объяснять. Оказывается, он не знала, что такое апоптоз! Разве она не помнит, как погибли ели? Потом бамбук и каштаны. Огурцы и многие другие растения? Нет.

Дэн задумался: это случилось за год до ее рождения. Началось с елок. Почему-то с канадских елей. А потом и по всей земле стали вдруг засыхать эти деревья. Люди сперва решили, что изменился климат, стал менее влажным, от этого на растения нападают вирусные болезни. Но ведь люди теперь жили в «Золотом веке» — наука победила всех вирусов, приручила их, превратив в аналоги наночастиц, которые уже проникли в клетку не как захватчики, а как целители, и с их помощью наука победила все болезни, построила человеку разумные дома, создала искусственное топливо и искусственный белок. Научилась синтезировать воду и насыщать искусственные дожди. Месяцами они шли там, где росли больные деревья. Залило все леса в Канаде. Но это не помогло. И тогда выяснилось: это не просто болезнь, включился механизм апоптоза — запрограммированной смерти живых клеток. Начали исчезать целые виды растений. Погибли ели. Каштаны. Потом — огурцы, бамбук. Почему началось с них? Люди стали искать причину. Наконец-то наступил расцвет науки — каждый человек на земле стал исследователем, и каждый дом превратился в лабораторию. Дома давно уже сделались разумными, окружив человека заботой, теперь они стали передовыми центрами научных исследований. Они соревновались между собой: кто быстрее выяснит тайну апоптоза? Только случилось это слишком поздно. Кто мог предположить, что самым уязвимым среди живых существ на Земле станет человек? И именно в его клетках включился механизм смерти. Неужели Матильда этого не знает?

— Тебе известно, что все живое состоит из клеток? Апоптоз — это необъяснимая клеточная смерть.
— Удивил! — фыркнула Матильда. — Да каждую секунду в нас умирает множество клеток, а все остальные — делятся пополам, и мы живем и не умираем.
— Но что будет, если в каждой клетке наступит апоптоз? Если в каждой включится этот смертельный механизм? И ни одна не будет

делиться?

— Ты хочешь сказать, в теле Сьюзен включился этот механизм? И это случилось со всеми людьми? Что же теперь будет?

— Поздно думать, Матильда, — сказал Дэн. — Это случилось. Наша хозяйка — последняя из людей.

— О чем же они думали раньше, Дэн? Ты говоришь, я глупая! Глупая кошка! А они?! Как же я буду жить без Сьюзен? Черт бы побрал этих дураков! Я ее люблю! Почему они раньше не думали об апоптозе?

— Кто мог знать? Они не предполагали, что он включится вот так вдруг.

— Не предполагали! А что тут предполагать? И дураку ясно, Дэн! Разве нет?

Если механизм есть — заложен в каждой клетке, он обязательно когда-нибудь заработает! Они

— кретины! И теперь из-за них умрет

наша хозяйка!

— Перестань!

— Я их ненавижу! Я их проклиная, Дэн! Чем они занимались всю жизнь?

Тысячи лет? У них было столько времени... а теперь Сью! Из-за них умрет, умрет Сью! Я им этого не прощу!

— Заткнись, Матильда. Подумай, что ты несеешь.

— За что их прощать, что они сделали хорошего?! Ничего!

— Неправда, — сказал кто-то сзади. — Они успели сделать две вещи...

Это был Стив. Он протянул вперед свои железные руки и сказал:

— Прыгай скорей, Матильда, я тебя ловлю. Сьюзен осталось всего несколько минут. Она ждет... А они, люди, успели все же кое-что сделать.

— Сделать? — завизжала Матильда, устро-

ившись на плече у Стива. — Что? Я их ненавижу, этих людей! Скажи, что они успели сделать?

— Вас и Хаза!

— Хаза? При чем тут дом?

— Может быть, это нескромно, — смутился робот. — Ведь я — часть Хаза, часть умного дома, придуманного человеком. Так сказать, его руки и ноги, его подвижная часть. Что было для человека главным тысячи лет? Его дом и его друзья.

— Его кот и его дом... — повторил Дэн. — Все, что теперь осталось от человека.

— Конечно! Дома и кошки — это везде ему сопутствовало, это нельзя было у него отнять, и он не мог без этого жить.

— И в конце концов, он

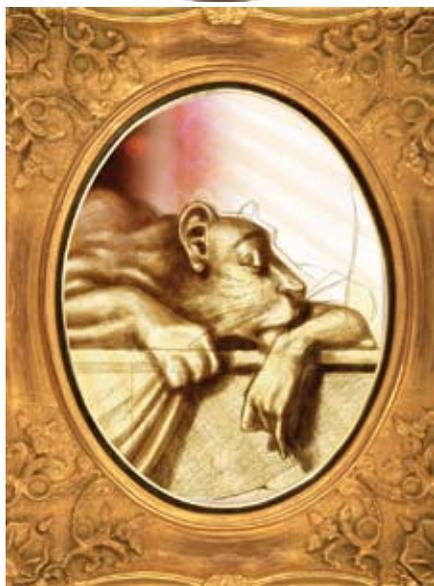

сделал их разумными?

— И может быть, не зря! — сказал Стив.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Матильда. — Ты можешь, старая каракатица, идти скорей? Разве что-нибудь теперь спасет хозяйку?! — Она была хвостом и царапала когтями спину робота, и из глаз у нее катились слезы.

Слезы текли и из желтых глаз Дэна. Они были черными, как у всех котов его породы. Сьюзен лежала, подключенная к аппаратам, продлевавшим ей жизнь. Бесчисленное количество невидимых глазу сложнейших устройств внутри ее тела помогли девочке улыбнуться, обнять свободной рукой Матильду, когда та прыгнула на кровать, и пог-

рузиться в сон.

Хаз, который был изобретателем всей этой немислимой техники, управлял ею и сам был ею в одно и то же время, и чей голос — и человеческий, и кошачий — его обитатели привыкли слышать рядом в любой момент, разразился руладой:

— Ты молодец, Матильда, что пришла!

— Ей не хуже, — отметил Дэн, уютно усаживаясь на полу.

— Не хуже? Правда? — все еще не веря, удивилась Матильда.

— Да-да! Она держится молодцом.

— И мы... не заморозим ее в холодильнике, как Тома? Стив сказал — осталось всего несколько минут...

— К счастью, я нашел способ...

— Ты победил этот апоптоз, Хаз!? Ура! — кошка прыгнула под потолок и назад, на подушку девочки.

— Нет, Матильда... Это пока не победа. Я просто сумел остановить мгновение для Сьюзен. Ее клетки не делятся, но и не умирают.

— Это называется летаргия?

— Клеточная...

— Ура, Хаз! А пока она спит, я поймаю ту бабочку и принесу Сьюзен. Она обрадуется, когда проснется!

Хаз взвыл так, что Дэн прижал уши и зашипел, а Матильда, не успев выпрыгнуть за окно, застыла в форточке и в ужасе озираясь по сторонам.

— Хватит бегать по лесу и карабкаться по деревьям! С сегодняшнего дня ты сядешь за уроки и начнешь мне помогать!

— Я? — удивилась Матильда. — Это ты так кричал, Хаз? На меня?..

— Да, это я кричал. Я кричал на тебя из-за Сьюзен. Я всего лишь помог ее телу существовать. Я внедрил в ее клетки, мои наночастицы проникают через мембраны, доставляя питательные молекулы и извлекая яды. Но я не решил проблему апоптоза. Я только сделал все, что мог.

— Но ведь ты можешь все, Хаз!

— Нет. Я только умный дом и могу навести в нем порядок.

— Ты такой умный! Вы — дома... Вас много. Все вместе вы можете... всё на свете!

— Да, мы — умные дома — стали няньками человека. Стали лабораториями, когда понадобилось обезвредить — но, к сожалению, слишком поздно — те яды, которыми человек отравил планету и ускорил свой конец. Мы стали обсерваториями, чтобы следить за каждым самым крошечным участком неба, где может появиться астероид. Тут мы не опоздали и уничтожили эту метеоритную угрозу, теперь ничто не грозит солнечной системе — этому большому дому. Но справиться с апоптозом мы не можем. Потому что победить смерть — значит узнать, что такое жизнь, сделать это самое главное открытие, которое не успели

совер-

— Так

не

—

го

шой,

но

пью-

таким

лювек.

он пере-

вы те-

приняли

тафету, что-

совершать

крытия. И

следует посл-

Апоптоз пре-

жде всего

грозит вам,

кошкам.

Потому что вы — самые сложные существа после человека на Земле.

— Но он угрожает всем?

— Да, он угрожает клетке. И червяк, и акула, и крокодил — они все, так же, как человек или кошка с собакой, развиваются из одной и той же клетки с ДНК, а разные они получают лишь потому, что в каждом существе растормаживается и реализуется разная — своя для каждого вида — наследственная информация, содержащаяся в клетке.

— Я понял тебя, Хаз. Жизнь, заложенная в ДНК, постепенно будет погибать? Медленно гаснуть? Но не от простого к сложному, как она развивалась, а теперь — от сложного к простому, от одного вида к другому — начиная с человека и кончая примитивной амёбой. Мы — вторые в этой очереди.

— Это так, — сказал Хаз.

— Ну, а если и нам не хватит времени выявить причину апоптоза?

— Да, Хаз, что будет? — не выдержала Матильда, потому что дом надолго замолчал.

— Что будет, если мы его не победим? Тебе придется вырастить другую клетку?

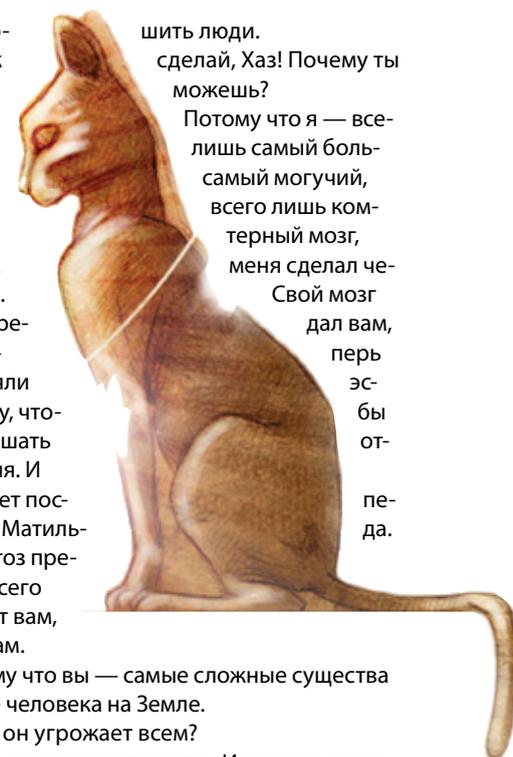
— Придется стать богом, — ответил за него Дэн. — Но это не спасет Сьюзен.

— И вас это тоже не спасет.

— И тогда останется от человека только дом...

— Не каркайте! — набросилась на них Матильда. — Просто надо сделать две вещи сразу: сотворить новую клетку и понять, из-за чего старой... пришел конец.

— Я думаю, это приведет нас к одному открытию, — удовлетворенно закончил Хаз. — К одному и тому же, которое мы просто обязаны совершить. Я стану вашими руками, вашим помощником и учителем, вашими знаниями... но сделать само открытие предстоит вам. Вы — наследники...

шить люди.

сделай, Хаз! Почему ты можешь?

Потому что я — все-

лишь самый боль-

шой, самый могучий,

всего лишь ком-

терный мозг,

меня сделал че-

Свой мозг

дал вам,

перь

эс-

бы

от-

пе-

да.

FLUKE®

Тепловизор Fluke Ti20

Инфракрасный тепловизор, обеспечивающий эффективную диагностику и прогнозирование с помощью инфракрасной термографии и предназначенный для использования инженерами по промышленному обслуживанию при революционном соотношении цены и качества.

Тепловидение

Предоставляя подробное изображение и используя цвета для отображения температуры, тепловизоры позволяют быстро определять температуру поверхности и легко обнаруживать места перегрева, которые зачастую являются ранними признаками близкого отказа оборудования. Использование тепловидения в качестве средства профилактического обслуживания значительно сокращает убытки от незапланированных простоев, улучшает качество продукции и эффективность производства.

Полностью радиометрический

Будучи разработанным для простых операций по принципу "наведи-и-сними", прибор Ti20 оснащен дополнительным датчиком, использующим технологию радиометрических измерений для хранения данных о температуре каждой из тысяч калиброванных точек измерения на тепловом изображении. Эта технология полностью радиометрического измерения позволяет производить подробный анализ, определять тенденции и изменять параметры изображения как в производственных условиях, так и по возвращении в офис.

Оптимизирован для профилактического техобслуживания

С помощью программного обеспечения для обработки InsideIR (входит в комплект) на Fluke Ti20 можно установить "маршрутную карту" обследования, описывающую последовательность регулярной проверки состояния оборудования. Полученные изображения можно загрузить и сравнить с предыдущими изображениями для выявления потенциальных проблем до того, как они станут причиной отказа. Это делает Ti20 эффективным средством программы профилактического обслуживания.

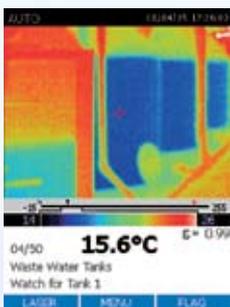
Высокая производительность для промышленного применения

Обладая сбалансированной конструкцией, тепловизоры Fluke Ti20 удобно размещаются в руке и позволяют выполнять операции одной рукой. Прибор питается от аккумуляторной батареи, обеспечивающей до 3 часов непрерывной работы, а диапазон измерения температур составляет до +350°C — эти показатели делают этот прибор пригодным практически для всех применений профилактического обслуживания промышленного оборудования.

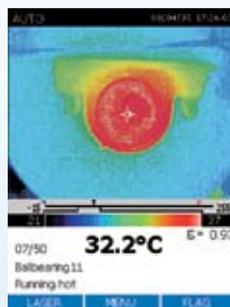

Универсальное решение

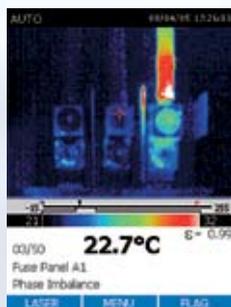
Fluke Ti20 поставляется в комплекте со всеми принадлежностями, необходимыми для начала работы. Устройство оснащено мощным аналитическим программным обеспечением InsideIR с неограниченным использованием, блоком питания от сети переменного тока, кабелем USB, футляром для переноски, комплектом аккумуляторных батарей, ознакомительным руководством и интерактивным компакт-диск с обучающими материалами.

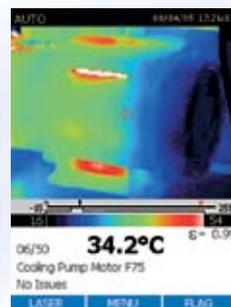
Контроль технологических установок теперь осуществляется очень просто

Высокая температура шарикоподшипников - ранний признак скорого отказа

Разность температур между фазами может указывать на несимметричность нагрузки

Перегрев двигателя может указывать на заниженные номинальные характеристики

Подробная информация о тепловизоре FLUKE Ti20, а также о других приборах производства компаний FLUKE, FLUKE networks и FLUKE Meterman смотрите на сайте группы компаний ICS:

www.icsgroup.ru